

Я. Н. Рабинович, Ю. Н. Смирнов

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ПО ОТЕЧЕСТВУ В ПОГРАНИЧНОМ
ВОЛЖСКОМ ГОРОДЕ НА ИСХОДЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

doi: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-142-150

УДК 94(470.43)“16”

ББК 63.3(283.545)44

В статье показаны результаты изучения состава и деятельности служилых людей по отечеству в Самарской крепости в конце Смутного времени. В основу анализа положены биографический метод и иные приемы современной «новой социальной истории». Их удалось применить в выбранных хронологических и локальных рамках юго-восточного порубежья России в начале XVII в. даже при отсутствии эго-источников, при этом необходимая биографическая информация извлекалась из делопроизводственных документов и актовых материалов. Установлено, что в Самаре служилые люди по отечеству переводились в основном из городов и уездов Верхней Волги. Им пришлось участвовать в борьбе против внутренних врагов — сторонников самозванцев, в отражении нападений кочевников и разбойников-казаков, в обеспечении дипломатических контактов и таможенной службы, в налаживании связей со столицей, другими городами и регионами. Они внесли вклад в строительство новых крепостей на Волге (Самара осталась в годы Смуты единственным русским городом между Казанью и Астраханью). Привилегированный статус самарских служилых людей по отечеству был обусловлен выполнением ответственных военных и административных обязанностей, сравнительно высоким жалованьем, поскольку большинство из них представляло беспоместных и мелкопоместных людей, или не имевших крепостных и холопов, или владевших малым числом таковых. Опытные воины и управленцы, отправленные на службу в Самару, способствовали укреплению органов власти в пограничном городе и дальнейшему освоению окраинных земель на юго-востоке Европейской России.

Ключевые слова: *Россия в XVII в., история Поволжья, освоение окраин, Самара, Саратов, Царицын, биографический метод, социальная история*

Исследователи уже обращали внимание на значимую роль служилых людей Самары в событиях на Средней и Нижней Волге в последние годы Смуты и в начале царствования Михаила Романова. Авторами представленной статьи предпринята попытка реконструкции состава самарских стрельцов и деятельности их начальников в 1614 г. при воеводе Д. П. Лопате-Пожарском. Речь шла как о рядовых, так и о стрелецких головах, сотниках, пятидесятниках.¹

Естественным продолжением вышеупомянутого исследования является анализ роли и конкретных действий других категорий людей,

состоявших в самарском гарнизоне, несших как военную, так и гражданскую службу. Она шла в особых, нередко чрезвычайных условиях. Продолжалась борьба против сторонников неизжитого самозванства в лице «ворёнка» — сына Лжедмитрия II, за которым стояли Иван Заруцкий и Марина Мнишек, против кочевых набегов и казачьих разбоев, против попыток дополнить интервенцию западных соседей вмешательством со стороны Персии.²

Особый интерес вызывают обязанности и деятельность в Самаре служилых людей по отечеству. Этому вопросу и посвящена статья, содержащая результаты, полученные прежде всего благодаря использованию историко-биографического метода в том его значении, которое предусматривает описание и анализ обстоятельств, результатов деятельности как исторических личностей, так и определенных социальных групп.³ В различных новейших интерпретациях этот метод получил развитие

¹ См.: Рабинович Я. Н., Смирнов Ю. Н. Служилые люди пограничной крепости на Волге в событиях начала царствования Михаила Романова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, № 1. С. 60–70.

Рабинович Яков Николаевич — к.и.н., доцент, Саратовский государственный университет (г. Саратов)
E-mail: rabinovichyn@yandex.ru

Смирнов Юрий Николаевич — д.и.н., профессор, Самарский национальный исследовательский университет (г. Самара)
E-mail: smirnov195503@yandex.ru

² См.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней / Кабытов П. С. [и др.]. Самара, 2020. Т. 1. С. 87, 88.

³ См.: Мазур Л. Н. Историко-биографический метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 151, 152.

и в западной историографии, и в работах российских, белорусских, украинских историков.⁴

Для нашей темы представляется интересным мнение, что на основе личной жизни и судьбы индивида следует раскрывать социальный контекст.⁵ Реконструкцию судеб исторических персонажей имеет смысл рассматривать «в качестве одной из предпосылок познания исторического социума».⁶

Это свидетельствует о пребывании «биографической истории» или, во всяком случае, значительной ее части в широком поле «новой социальной истории». Ее приемы и наработки мы также использовали в нашем исследовании.

При этом надо иметь в виду, что биографический метод не может быть применен в полной мере при исследовании в выбранных хронологических и локальных рамках. Причина этого заключается в отсутствии эго-источников, которые для такого подхода являются первостепенными.⁷ В нашем исследовании биографическая информация извлекалась из традиционных для изучения русского XVII в. делопроизводственных документов и актовых материалов.

Служилыми людьми по отечеству нередко в источниках, а еще чаще в историографии именуют совокупность боярских и дворянских родов Московского государства XVI–XVII вв. вплоть до их слияния в «благородное сословие»/«шляхетство» уже в следующем столетии. Они были представлены в Самарской крепости группой так называемых городских чинов, в которую входили дворяне выборные, дети боярские дворовые и городовые. Эта группа составляла самую большую часть служилых людей по отечеству и называлась так по факту приписки ее представителей к «служилым городам» — уездным сообществам, которые до середины XVII в. регистрировались в «десятиях». Отличительными социальными признаками этой группы, кроме самого факта несения военной службы,

было право на получение привилегированных земельных владений (вотчин и поместий) с крепостными людьми. Впрочем, это право не всегда реализовывалось, особенно в обстановке Смутного времени, а потому среди служилых людей по отечеству было немало беспоместных и не имевших крестьян или холопов.⁸

По перечисленным и некоторым другим признакам одни авторы полагают возможным считать служилых людей по отечеству и отдельные группы внутри этой категории «сословием» в значении «корпорации». Другие возражают против применения сословной парадигмы к русскому обществу XVII в.⁹

Не вдаваясь детально в эту дискуссию, следует в любом случае признать наличие за этой категорией привилегированного социального статуса, который необходимо было поддерживать несением службы государству. Сами служилые люди по отечеству считали эту обязанность почетной, постоянно были к ней готовы, и в результате не только вооруженные силы, но также органы власти и управления не обходились без них.

Впервые в источниках состав гарнизона Самары, как и всех других понизовых городов (Астрахани, Царицына, Саратова и др.), приведен в Разрядной записи за 1624/25 г. Воеводой Самары там указан стольник Иван Андреевич Дашков. В составе гарнизона было 20 детей боярских, стрелецкий голова, три сотника и 350 конных и пеших стрельцов (порознь не расписаны), а также восемь пушкарей, один переводчик, два толмача, один часовник, три воротника и один кузнец.¹⁰

Вышеприведенные цифры, как правило, и воспроизводятся в литературе, в которой, однако, конкретные имена рядовых служилых людей, которые составляли постоянный гарнизон Самары в начале XVII в., не указываются. В середине XVII в. положение несколько изменилось, и информации о персоналиях приводится больше. В отдельных случаях можно встретить имена тех, кого воеводы Самары отправляли с донесениями в Москву, Казань, Астрахань.

⁴ См.: Настусевич С. В. Концептуализация исторической биографии в русскоязычной историографии: понятия, формы, содержание // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2021. № 21–2. С. 100–106.

⁵ См.: Попова Т. Н. Биоисториография в структуре современного биографизма // Харківський історіографічний збірник. 2017. № 16. С. 194.

⁶ См.: Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию А. И. Яковлева). Чебоксары, 2019. С. 14.

⁷ См.: Там же. С. 12, 13.

⁸ См.: Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / Аракчеев В. А. [и др.]. СПб., 2018. С. 137, 318–320.

⁹ См.: Смирнов Ю. Н. Осмысление, конструирование и моделирование социального в истории России: новые подходы в коллективной монографии уральских ученых // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 4 (51). С. 167.

¹⁰ См.: Книги разрядные по официальным оным спискам, изданные II-м Отделением СЕИВ канцелярии. СПб., 1853. Т. 1. (1614–1627). Стб. 1143.

Исправляя отмеченный недостаток биографической информации, в статье приводятся сведения об известных к настоящему времени самарских служилых людях по отчеству, находившихся в указанном городе в первые годы царствования Михаила Романова. Мы постарались выяснить, откуда прибыли эти люди на службу в Самару, чем они занимались до этого, в каких событиях Смуты участвовали.

Самарские жильцы, дети боярские — служилые люди по отчеству, были первыми помощниками воевод города. В первые годы царствования Михаила Романова самарских служилых людей по отчеству было всего около десятка человек. Позже, в 1620-е гг., как было сказано, их число будет доведено до 20 человек и будет оставаться неизменным долгое время. Несмотря на малочисленность, самарские жильцы стали надежной опорой местной власти. Именно их чаще всего воеводы отправляли с донесениями в далекую столицу и иные города или с различными поручениями к волжским и яицким казакам, ногайским татарам.

Все они были детьми боярскими из других городов, волею судеб и вышестоящих властей отправленными продолжать дальнейшую службу на Самаре. К сожалению, неизвестно, когда была составлена первая десятня самарских служилых людей. Скорее всего, как и в соседнем Саратове, это произошло в середине XVII в. Десятни саратовцев и самарцев не сохранились, хотя в источниках того времени можно встретить записи о распоряжениях воевод написать служилого человека в «десятню и в служилом списке» с предоставлением помещного и денежного оклада за службу.¹¹

В силу состояния источниковой базы мы вряд ли сможем выяснить полный список всех детей боярских, находящихся в Самаре в начале XVII столетия. Однако в кормленых, расходных и других книгах можно найти имена некоторых из этих самарских служилых людей, в основном «четвертчиков». Так называли тех, кто получал жалование из Костромской, Галицкой, Устюжской четвертей, документы которых сохранились в архиве. Четверти (или «чети») были административно-финансовыми учреждениями, ведавшими сбором ряда налогов и повинностей, а также выплачивавшими жалованье привилегированной части

провинциальных служилых людей. Положение четвертчика считалось более выгодным по сравнению с теми, кто получал жалование «с городом»: у последних оно было меньше и выдавалось нерегулярно, особенно в начале правления Михаила Романова.¹²

Одним из известных нам служилых людей был Иван Васильевич Челищев, четвертчик Костромской чети. В первые годы Смуты он служил довольно далеко от Самары. Об этом позже, в 1612/13 г., он писал в своей челобитной, указывая, что ранее «служил всякие службы по Бежецкому Верху».¹³ Видимо, именно в Бежецком Верху и следует искать корни этого служилого человека. Еще в начале царствования Василия Шуйского (или, возможно, даже при Лжедмитрии I) И. В. Челищев был переведен из получавших жалование «с городом» в четвертчики Костромской чети и ему был установлен оклад в 10 руб.

В середине XVI в. мы встречаем достаточно много Челищевых в Дворовой тетради. Большинство из них (31 чел.) служили по Калуге и только три человека — по Бежецкому Верху: Алексей Васильев, Проня Федоров, Степанко Алексеев Челищевы. Возможно, что один из них (скорее всего, если предположить следование патронимической традиции, им был Алексей Васильев) являлся дедом будущего самарского жильца И. В. Челищева.¹⁴

В 1609 г. И. В. Челищев принимал участие в походе князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского из Новгорода к Москве, отличился в боях под Тверью, Калязином, Александровой слободой, освобождал Москву от тушинской блокады в начале 1610 г. За то, что он «был на службе з боярином со князем Михайлом Васильевичем Скопиным», по указу царя Василия Шуйского в последние месяцы его царствования (видимо, весной — в начале лета 1610 г.) бежечанин И. В. Челищев получил в придачу к старому окладу в 10 руб. еще столько же. Теперь его новый оклад теоретически должен был составлять 20 руб. Однако эта придача «не была за ним справлена», то есть оформлена документально, в связи со свержением Василия Шуйского в июле 1610 г.

¹² См.: Рабинович Я. Н. Служилые люди по отчеству в левобережном Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 106.

¹³ Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. С. 6, 7.

¹⁴ См.: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг. XVI в. М.; Л., 1950. С. 204.

¹¹ См.: Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова: записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М., 1892. С. 12.

В дальнейшем И. В. Челищев участвовал в ополчении, освобождал Москву от поляков. Видимо, после освобождения Москвы он написал челобитную руководителям нового правительства князьям Д. Т. Трубецкому и Д. М. Пожарскому с просьбой «справить» за ним придачу царя Василия размером в 10 руб. Фраза о том, что «во 121 году бил челом он боярам и всей земле», свидетельствует о том, что эти события происходили накануне или в период Земского собора, избравшего царем Михаила Романова. Однако, возможно, имелся в виду «Совет всея земли» — временное правительство, созданное вторым ополчением, или командование самого ополчения, именованного «земским». Эта просьба была удовлетворена, и «бояре тое царя Васильеву придачу за ним велели справить».¹⁵

Обычно челобитные о пожалованиях за прежние службы удовлетворялись накануне назначения на новую ответственную службу. Случай с И. В. Челищевым не является исключением. Бояре велели ему служить по Самаре. Постоянное упоминание о «боярах» свидетельствует о том, что это назначение в далекую от Москвы Самару произошло до прибытия в Москву Михаила Романова, то есть до мая 1613 г. Не исключено, что И. В. Челищев сопровождал в Самару первого после освобождения Москвы от интервентов самарского воеводу — князя Дмитрия Петровича Лопату-Пожарского. Таким образом, И. В. Челищев из служилых по Бежецкому Верху превратился в самарского жильца, стал служилым человеком по Самаре.

О пребывании И. В. Челищева в Самаре свидетельствует ряд источников. Воевода Самары князь Д. П. Лопата-Пожарский вскоре после 7 марта 1614 г. отправил его с донесением в Москву (скорее всего, это произошло 11 марта). Эта дорога из Самары до Москвы заняла примерно месяц. Иван Челищев прибыл в столицу 11 апреля 1614 г. (или 13 апреля, так как в одном месте говорится, что документ доставлен И. Челищевым «на адрес» 13 апреля). В этом донесении воевода Лопата-Пожарский сообщал о подготовке к отправке из Самары в Персию посольского каравана с русским послом Михаилом Тихановым и персидским послом Амиром Алибеком, о доставке в Самару из Алатыря хлебных запасов и об отказе персидского посла взять себе в дорогу лошадей

у прибывших алатырских детей боярских. Посол посчитал, что «лошади худы». Также воевода привел важные сведения, полученные от разных выходцев, о событиях в Астрахани и о готовности атамана Заруцкого к весеннему походу на Самару и Казань. Учитывая важность сведений, воевода отправил Ивана Челищева не напрямую степью в Москву, а через Казань, вдоль Волги, чтобы сообщить эту информацию казанским воеводам. Казанские воеводы князь В. И. Бахтеяров-Ростовский, Семен Глебов и дьяк Андрей Вареев также передали с Иваном Челищевым просьбу персидского гонца Тогмас-бека, длительное время находившегося в Казани, об отпуске его на родину. О документе от воевод Казани московский подъячий сообщил, что это донесение было доставлено в Москву («на адрес») «122-го, апреля в 13 день с самарским жильцом с Иваном Челищевым».¹⁶ Так что Иван Челищев доставил одновременно в Москву два донесения: одно от воеводы Самары, а другое — от воевод Казани.

Известен в те годы нижегородец Иван Васильевич Челищев, которому «по боярской грамоте» (видимо, от руководителей объединенного ополчения Трубецкого и Пожарского) была дана небольшая вотчина в Березопольском стану Нижегородского уезда (жеребей в деревне Мунькино и пустошь Ботово), где имелся только двор помещиков и один крестьянский двор. Этой вотчиной И. В. Челищев владел в 1613 г., когда составлялся дозор Нижегородского уезда, который проводили Сила Греков и подъячий Клементий Козодавлев. Размеры земли — 7 четей пашни паханой и 39 четей пашни, перелогом лесом поросшей, сена 15 копен. Кроме того, за рекой Окой ему принадлежало вместе с помещиками Прилонскими еще 200 копен сена.¹⁷ Возможно, что речь идет о том же человеке, что находился на службе в Самаре. В Нижегородском уезде нам известны и другие случаи, когда самарские жильцы владели здесь поместьями, о чем будет сказано ниже.

И. В. Челищев служил на Самаре многие годы. Так, в 1616/1617 г. в Москве было при-

¹⁵ Кормленная книга Костромской чети. С. 6, 7.

¹⁶ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2 // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1892. Т. 21. С. 223, 224.

¹⁷ См.: Садовский А. Я. Книга Нижегородского уезда боярских, дворянских и детей боярских и иноземцев дозору Силы Микитича Грекова да подъячего Клементия Козодавлева лета 121 году (продолжение) // Действия Нижегородской ГУАК: сборник статей, сообщений, описей и документов. Нижний Новгород, 1905. Т. 6, отд. 3. № 198. С. 142.

нято жесткое решение в отношении самарских жильцов: у них всех была убавлена часть оклада. То ли это было связано с финансовыми затруднениями и касалось только четвертчиков, то ли служилые люди Самары в чем-то провинились. Источники о причинах данного решения умалчивают. Пострадал среди прочих и И. В. Челищев. У него убавили из оклада 8 руб. — теперь он стал получать только 12 руб.

Прошло еще несколько лет, в течение которых Иван Челищев исправно нес службу на Самаре, при этом, видимо, неоднократно писал челобитные о восстановлении ему оклада в 20 руб. В конце 1618 г. он написал новую челобитную с просьбой вернуть ему прежний оклад с придачей, которую он получил при Василии Шуйском. Видимо, он показал себя на службе с хорошей стороны, поэтому 5 апреля 1619 г., уже после окончания Смуты и подписания Деулинского перемирия, его челобитная была удовлетворена. По памяти за приписью дьяка Богдана Губина (он в то время вместе с боярином А. Ю. Сицким и дьяком Ф. Апраксиным возглавлял Казанский приказ) самарскому жильцу И. В. Челищеву был установлен вновь оклад из Костромской чети в размере 20 руб.¹⁸

Другой самарский жилец, Андрей Петрович Аристов, был четвертчиком Устюжской чети. В 1618/1619 г. его денежный оклад составлял 23 руб.¹⁹ Аналогичный оклад в 23 руб. мы видим у него и в Расходной книге этой чети за следующий 1619/1620 г.²⁰ Как и Челищев, Аристов отправлялся с донесениями воеводы Лопаты-Пожарского в Москву. Так, осенью 1613 г. после длительного перерыва в торговых контактах в Самару прибыл купеческий караван из Средней Азии. Возглавляли этих купцов Хозя Наурус, купчина бухарского «царя» (эмира), и караванный голова Дербыш-али от «юргенского царя» (хивинского хана). Кроме разных товаров они привезли две грамоты от своих правителей, составленные в сентябре 1613 г. Эти грамоты осенью 1613 г. воевода Пожарский отправил в Москву как раз с указанным самарским жильцом.²¹

Самарский жилец Иван Чертков был четвертчиком Галицкой чети. Пока не удалось

выяснить, где он служил до Самары в начале Смуты. Он сам писал в конце 1615 г., что служил всякие службы, зимние и летние, вместе с «пожалованными в ряд», а поместья за ним нигде нет, и он семь лет не получал государева жалования. Далее в своей челобитной он пишет, что «ныне» его посылают на государеву службу на Самару, и просит выдать четвертное жалование «для самарской службы». По царскому указу дьяк Богдан Губин 4 января 1616 г. дал указание дьяку Галицкой чети Семену Головину выдать четвертное жалование 18 руб. Ивану Черткову, что составляло годовой «оклад его сполна». Сразу же после этого тот взял деньги и отправился к новому месту службы на Самару. Он был неграмотным, поскольку расписался за него в получении денег князь Василий Болховский.²²

Еще об одном самарском жильце Саве Чулкове известно только то, что он служил на Самаре в 1615 г. при воеводе князе Михаиле Васильевиче Белосельском. Когда 23 апреля 1615 г. прибыли в Самару «тезики»-купцы из «Карасанской земли» (Хорасана) во главе с караванным головой Ших Абызом, то один из тезиков Мамаделей сообщил воеводе ценные сведения о встрече в Мешхеде в августе 1614 г. с послом Михаилом Тихановым. Он же передал воеводе тайное послание Тиханова для царя Михаила и устные сведения о посольстве, о маршруте и пребывании того в разных городах, о встречах с разными правителями.

Учитывая средства связи в те годы, а также крайнюю заинтересованность русского правительства в контактах с персидским шахом Аббасом, можно понять воеводу Самары, который немедленно отправил в Москву с донесением и письмом посла Тиханова одного из доверенных лиц. Им был самарский жилец Сава Чулков, который 20 мая 1615 г. был уже в Москве.²³

Четвертчиком Устюжской чети был самарский жилец Василий Петрович Ершов. В расходных книгах Устюжской чети 1618/1619 г. и 1619/1620 г. он указан как самарский стрелецкий сотник с окладом в 10 руб.²⁴

¹⁸ См.: Кормленная книга Костромской чети. С. 6, 7.

¹⁹ См.: Расходная книга Устюжской чети 127 г.: приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // Русская историческая библиотека. М., 1912. Т. 28. Стб. 712.

²⁰ См.: Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С. 153.

²¹ См.: Памятники дипломатических и торговых сношений. С. 166, 259.

²² См.: Столбцы Галицкой и Владимирской четвертей 120–126 гг.: Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1912. Кн. 2. С. 285.

²³ См.: Памятники дипломатических и торговых сношений. С. 411.

²⁴ См.: Расходная книга Устюжской чети. Стб. 735; Приходно-расходные книги московских приказов. С. 160.

Имеются сведения о земельных владениях Василия Ершова на территории Нижегородского края. Там же следует искать его корни. В дозорной книге 1613 г. он указан как «самарский жилец Василий Петров сын Ершов», а указанный ранее И. В. Челищев отмечен как нижегородец. Здесь важное значение имеет формулировка «самарский жилец», что позволяет идентифицировать его как самарского стрелецкого сотника (в отношении нижегородца И. В. Челищева все-таки полной уверенности нет). В то время у В. П. Ершова было поместье в Березопольском стану Нижегородского уезда — деревня Шепелово, а в ней двор помещиков, да два двора людских, да два двора крестьянских. Пашни указано 100 четвертей в поле, в том числе 6 четей «паханой» земли и 94 чети пашни в поле, которое «перелогом и лесом поросло, а в дву потому-ж». За В. П. Ершовым в этом Березопольском стану была также пустошь Онучкино (30 четей) и жеребей в общей с другими помещиками пустоши Чичной (возможно, Яичной) в размере 35 четей.²⁵

Еще ранее, в 1607/1608 г., за Василием Ершовым в нижегородской деревне Носакино числилось 10 четей, оброк и пошлина составляли 5 алтын 5 денег. Аналогичные сведения приводятся и за 1612/1613 г., здесь уточнено и отчество этого нижегородского помещика — Василий Петров сын Ершов.²⁶

В 1613 г. самарский жилец В. П. Ершов имел небольшое поместье не только в Березопольском стану, но и в Закудемском стану Нижегородского уезда, в общей деревне Шульгино. Здесь находился двор его человека. Другими владельцами этой деревни были нижегородцы Юрьевы. Вместе с ними В. П. Ершов имел пашни паханой 9 четей, 101 четь поля, которое перелогом и лесом поросло (что было обычным после разорений и несчастий опричнины, длительных войн второй половины XVI в. и Смуты начала XVII в.), и сенокосов 50 копен.²⁷

Из другого источника известно, что В. П. Ершов умер до 1629 г. Его поместья перешли

вдове Анне, которая в том 1629 г. уже владела ими.²⁸

В Березопольском стану Нижегородского уезда в 1613 г. к моменту дозора Силы Грекова и подъячего Клементия Козодавлева находилось поместье и другого самарского жильца — Алексея Юдина Башмакова. Оно включало полсельца Вознесенского, в котором находился Храм Вознесения Христова, но службы и попа в нем к моменту дозора не было. В Вознесенском у Алексея Башмакова имелись двор помещика, двор приказчика, двор крестьянский, двор бобыльский, пашни 100 четей (4 чети паханой и 96 четей, поросшей перелогом и лесом) — земля эта считалась «доброй». Сенокосы на реке Оке в межах с Иваном Рушениновым насчитывали 200 копен. Вторая половина сельца Вознесенского принадлежала нижегородцу Тихону Матюнину.²⁹ Немногим ранее, в 1611/1612 г., сельцом Вознесенским Алексей Башмаков владел вместе с Павлином Матюниным.³⁰

В 1629 г. А. Ю. Башмаков продолжал владеть этим поместьем, но в источниках он по-прежнему был указан как самарский жилец, следовательно, находился в Самаре на службе.³¹ Судя по всему, Василий Ершов и Алексей Башмаков были самарскими жильцами еще до составления Силой Грековым Дозорной книги 1613 г.

Самарский жилец Иван Данилов был в начале 1614 г. послан воеводой Лопатой-Пожарским к атаманам на Волгу с царскими грамотами, чтобы отвлечь атаманов от союза с Заруцким. К апрелю 1614 г. Иван Данилов уже вернулся обратно в Самару и сообщил воеводе о состоянии дел среди волжских казаков и об обстановке в самой Астрахани, где Заруцкий устроил настоящий террор.³²

Еще один служилый человек по отчеству из Самары известен тем, что принял участие в строительстве нового левобережного Саратова в 1616–1617 гг. В документе он указан как самарский сын боярский Посник Порошин.

²⁵ См.: Садовский А. Я. Книга Нижегородского уезда... (продолжение). С. 149.

²⁶ См.: Веселовский С. Б. Нижегородские платежницы 7116 и 7120 годов (Смутное время московского государства. Вып. 7) // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1910. Кн. 3. Отд. 1. С. 10, 161.

²⁷ См.: Садовский А. Я. Книга Нижегородского уезда боярских, дворянских и детей боярских и иноземцев дозору Силы Микитича Грекова да подъячего Клементия Козодавлева лета 121 году (окончание) // Действия НГУАК. Нижний Новгород, 1908. Т. 7, отд. 3. С. 629.

²⁸ См.: Садовский А. Я. К материалам по исследованию Нижегородского уезда в Смутное время и вскоре после него (1613–1629 гг.) // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902. Отд. 2. С. 37.

²⁹ См.: Он же. Книга Нижегородского уезда... (продолжение). С. 173, 175.

³⁰ См.: Веселовский С. Б. Нижегородские платежницы. С. 167.

³¹ См.: Садовский А. Я. К материалам по исследованию. С. 35.

³² См.: Отписка Самарского воеводы князя Дмитрия Пожарского воеводам князю Ивану Одоевскому и Семену Головину... 1614, мая 6–8 // АИ. Т. 3, № 260. С. 427.

Сын боярский несколько отличается от жильца. Под словосочетанием «самарский жилец» в те годы подразумевался служилый по отчеству, который был пришлым человеком, ранее не имел прочных корней в данном городе, получил назначение на службу в этот город из другого региона. Обозначение «самарский сын боярский» указывало на то, что служилый человек уже давно служил в данном городе. Видимо, Посник Порошин служил на Самаре еще в начале Смутного времени, был старожилом по сравнению с ранее названными сослуживцами.

Осенью 1617 г. он находился в Москве. Туда он был отправлен саратовским воеводой князем Ф. Т. Черново-Оболенским с донесением об окончании строительства нового Саратова, поскольку прежний в 1609 г. был оставлен людьми и прекратил существование.³³ «За Саратовское городовое поставление» Порошин 26 октября 1617 г. был пожалован четырьмя аршинами дорогой «лимонной» тафты и чуть меньшим отрезом ценного сукна — «черевчатого настрафиля». Вместе с ним таким же отрезом «настрафиля» был пожалован самарский стрелецкий пятидесятник Василий Агафонов.³⁴

Двумя годами ранее, осенью 1615 г., воевода Мисюрь Головин Соловцов построил новую крепость Царицына и с известием об этом отправил в Москву царицынских стрельцов. 25 февраля и 2 марта 1616 г. они были пожалованы в Москве за «сеунч» — важное донесение, «за Царицынское острожное дело, что они острог и церкви поставили». Среди этих 6 царицынских стрельцов дважды в источнике на первом месте указан Василий Агафонов, что неслучайно, видимо, он был старшим в команде этих курьеров-«сеунщиков». В дальнейшем мы не встречаем Василия среди гонцов из Царицына в Москву, хотя имена других служилых людей повторяются среди гонцов неоднократно.³⁵

³³ См.: Рабинович Я. Н. Источники о левобережном Саратове (1616–1674 гг.): общая характеристика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 504.

³⁴ См.: Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. Ч. 1. М., 1882. Стб. 118.

³⁵ См.: Малов А. В. Царицынские службы и царицынские служилые люди в расходных книгах казенного двора. 124-й (1615/1616) — 130-й (1621/22) годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 184–202.

Можно сделать вывод, что после того награждения Агафонов не вернулся в Царицын, а был повышен в чине и назначен в 1616 г. стрелецким пятидесятником в Самаре. Уже оттуда его, как опытного горододелца, вместе с другими самарскими служилыми людьми послали строить новую Саратовскую крепость, что он успешно осуществил в 1616–1617 гг. и за что был снова награжден.

По-видимому, самарским служилым человеком по отчеству был Илья Своробоярский (о его статусе ничего не говорится). 25 марта 1614 г. воевода Лопата-Пожарский отправил указанного Илью Своробоярского вместе со стрелецким головой Григорием Федорчуковым и сотником Григорием Парасуковым на стан за реку Самару. Там происходил сбор посольского каравана Тиханова — Амир Али бека. Люди воеводы обыскали вещи толмача Ивана Есипова, в результате чего были обнаружены контрабандные деньги бухарских и юргенских тезиков в размере 230 руб.³⁶

Вывоз серебряных денег из страны был запрещен. Вся денежную выручку от своей торговли восточные купцы должны были потратить на покупку русских товаров, а не пытаться вывезти полученное серебро с помощью посольского толмача. Так что самарским служилым людям приходилось также играть роль таможенников и пограничной стражи.

В целом же, несмотря на потрясения Смуты, в Самарском Поволжье в начале XVII в. продолжался процесс «обретения Родины». В ходе его одной из базовых задач стало налаживание «взаимоотношений центра и периферии в эпохи позднего Средневековья и нового времени, трансферов из центра управленческих... моделей».³⁷ Для достижения этой цели, как и для отражения внешних угроз, участие служилых людей было необходимым.

Для города-крепости начала XVII в., чем и была Самара, было характерно наличие таких служилых людей по отчеству, которые очень мало подходят под дефиниции «класса феодалов», «эксплуататоров», распространенные во времена официального верховенства марксистской историографии. Безусловно представляя собой привилегированную группу

³⁶ См.: Памятники дипломатических и торговых сношений. С. 237–239.

³⁷ Изучение истории Самарского края XVI — начала XX вв.: историографический обзор / Кабытов П. Б. [и др.] // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 2. С. 16.

населения, они состояли из преимущественно беспоместных и небольшого числа мелкопоместных людей, а количество их крепостных разве что могло удовлетворить потребность в личных слугах. Основным источником существования было жалование, получение которого было связано со службой опасной и тяжелой, но одновременно престижной и желанной как в статусном, так и в материальном плане. В данной оценке мы, правда, абстрагируемся от перспективы дальнейшей социальной эволюции, но ее основные тенденции и проявлялись, конечно, не здесь, не в условиях пограничного города, все население которого вне зависимости от общественного положения было озабочено прежде всего выживанием. Судьба единственной уцелевшей в Смуту волжской крепости между Казанью и Астраханью для многих выглядела чудом, ниспосланным по святым молитвам. Сложилось предание о пребывании Алексия митрополита Московского на месте Самары за два века до ее

основания и пророчестве святителя о благополучной будущности этого города.³⁸

В продолжение проведенных исторических изысканий возможно обнаружение и других сведений о самарских служилых людях по отечеству, как во времена Смуты, так и уже после ее окончания. Однако на основании уже полученных и представленных в исследовании данных можно считать обоснованным вывод об их серьезном вкладе в разгром астраханской авантюры Ивана Заруцкого, приведение в повиновение московским властям волжских и яицких казаков с их атаманами, отражение нападений степняков, восстановление российского контроля над всем Великим волжским путем. Перевод на службу в Самару на постоянной или временной основе опытных военных и гражданских чинов способствовал укреплению органов власти в этом пограничном городе на юго-восточной окраине государства, давал заметный импульс дальнейшему освоению Средневолжского края.

Yakov N. Rabinovich

Candidate of Historical Sciences, Saratov State University (Russia, Saratov)

E-mail: *rabinovichyn@yandex.ru*

Yuri N. Smirnov

Doctor of Historical Sciences, Samara National Research University (Russia, Samara)

E-mail: *smirnov195503@yandex.ru*

HEREDITARY SERVICEMEN IN THE BORDER TOWN
ON THE VOLGA AT THE END OF THE TIME OF TROUBLES

The article shows the results of studying the composition and activities of hereditary servicemen in the Samara fortress at the end of the Time of Troubles. The analysis was based on methods of modern “new social history” and “new biographic history”. These methods were applied within the selected chronological and local frameworks of the southeastern borders of Russia at the beginning of the 17th century without ego-sources, and the necessary biographical information has been extracted from office documents and acts. Hereditary servicemen were transferred to Samara mainly from the towns and uyezds of the Upper Volga. They had to participate in the struggle against internal enemies — supporters of impostors, in repelling attacks by nomads and Cossacks, in ensuring diplomatic contacts and customs service, in establishing ties with the capital, other towns and regions. They made a contribution into construction new fortresses on the Volga, because Samara remained the only Russian fortress between Kazan and Astrakhan during the Time of Troubles. The privileged status of hereditary servicemen in the Samara was due to the performance of responsible military and administrative duties, relatively high salaries, since the majority of them owned only small estates if at all, did not have serfs or owned a tiny number of them. Experienced soldiers and managers sent to serve in Samara contributed to the strengthening of the authorities in the border town and the further colonization of the outlying lands in the southeast of European Russia.

Keywords: *Russia in the 17th century, history of the Volga region, colonization of the outlying lands, Samara, Saratov, Tsaritsyn, biographic method, social history*

³⁸ См.: Артамонова Л. М. Церковное краеведение в дореволюционной самарской школе // Двадцать пятые Иоанновские чтения: материалы научной конференции. Самара, 2020. С. 18.

REFERENCES

- Arakcheev V. A., Borodina E. V., Bugrov K. D. et al. *Granitsy i markery sotsial'noy stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya* [Borders and Markers of Social Stratification in Russia in the 17th–20th Centuries: Research Vectors]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2018. (in Russ.).
- Artamonova L. M. [Church Local History in the Pre-Revolutionary Samara School]. *Dvadsat' pyatyie Ioannovskiye chteniya: materialy nauch. konf.* [Twenty-Fifth Ioannovskiye Readings: Materials of Sci. Conf.]. Samara: OOO “NTTs” Publ., 2020, pp. 12–24. (in Russ.).
- Kabytov P. S., Dubman E. L., Kabytova N. N., Leontieva O. B., Smirnov Yu. N. [Studying of the History of the Samara Region from the XVI to the Early XX Century: A Historiographical Review]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], 2020, vol. 26, no. 2, pp. 8–24. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-2-8-24 (in Russ.).
- Kabytov P. S., Dubman E. L., Smirnov Yu. N. et al. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day]. Samara: OOO “Slovo” Publ., 2020, vol. 1. (in Russ.).
- Malov A. V. [Service at the Fortress of Tsaritsyn and Tsaritsyn Service People in the Account Books of the Treasury Court. 1615/16–1621/22]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science journal of Volgograd state university. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 184–202. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.2.16 (in Russ.).
- Mazur L. N. [Historical and Biographical Method]. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar'* [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological dictionary]. Moscow: Akvilon Publ., 2014, pp. 151–152. (in Russ.).
- Nastusevich S. V. [Conceptualization of Historical Biography in Russian-Language Historiography: Concepts, Forms, Content]. *Nauchnyye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly (Minsk)* [Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education (Minsk)], 2021, no. 21-2, pp. 100–106. (in Russ.).
- Popova T. N. [Biohistoriography in the Structure of Modern Biographism]. *Kharkivs'kyi Istoriohrafichnyy Zbirnyk* [Kharkiv Historiographic Collection], 2017, no. 16, pp. 192–207. (in Russ.).
- Rabinovich Ya. N. [Hereditary Servicemen in the Left-Bank Saratov]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 102–113. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-102-113 (in Russ.).
- Rabinovich Ya. N., Smirnov Yu. N. [Service People of the Border Fortress on the Volga at the Beginning of Mikhail Romanov's Reign]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 60–70. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-1-60-70 (in Russ.).
- Rabinovich Y. N. [Sources About the Left Bank of Saratov (1616–1674): General Characteristics]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 503–512. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-4-503-512 (in Russ.).
- Repina L. P. [Biography in the Context of “Global Microhistory”]. *Paradigmy rossiyskoy istorii skvoz' prizmu biografistiki (k 140-letiyu Alekseya Ivanovicha Yakovleva)* [Paradigms of Russian History Through the Prism of Biographics (To the 140th Anniversary of Alexei Ivanovich Yakovlev)]. Cheboksary: Izd. dom “Sreda” Publ., 2019, pp. 12–18. (in Russ.).
- Smirnov Yu. N. [Understanding, Constructing and Describing Social Patterns in Russia of the 17th–20th centuries: New Approaches in the Collective Monography by Ural Scholars]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2020, iss. 4 (51), pp. 163–172. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-4-163-172 (in Russ.).

Для цитирования: Рабинович Я. Н., Смирнов Ю. Н. Служилые люди по отечеству в пограничном волжском городе на исходе Смутного времени // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 142–150. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-142-150.

For citation: Rabinovich Ya. N., Smirnov Yu. N. Hereditary Servicemen in the Border Town on the Volga at the End of the Time of Troubles // Ural Historical Journal, 2023, no. 1 (78), pp. 142–150. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-142-150.